

Борис Ефремов

Илья из Муромских лесов

Былина

Борис Алексеевич Ефремов

Илья из муромских лесов. Былина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42627030

SelfPub; 2019

Аннотация

Автор современной былины про Илью Муромца просит читателей не казнить его, а подать звонкие гусли, собраться всем в тесный кружок, не спешить расходиться по делам и вволю подышать глубиною лесов и ширью полей русских. Поэт не обманет вас – во всей красе предстанет в былине Киевская Русь времён Владимира Солнышка, в полный рост встанет русский богатырь Илья, с его небывалой силой, простоватой душой, но такой чистой и живой совестью, что можно будет позавидовать ему всем нам, потонувшим в нынешней меркантильной суете. Но – честное слово! – каждый читатель будет находить в древнем защитнике земель русских и какие-то свои душевные черты.

Ай да век на дворе! – перегрузки, да всплески, да встряс-
ки.

В гуле звёздных ракет позабылись былины и сказки.
Мы спешим да спешим, оглянуться спокойно не смеем.
Ковшик браги испить, хором песню пропеть не умеем.

А за новым окном – всё не та ли, не отчая Русь ли?
Не велите казнить, а подайте-ка звонкие гусли.
Соберитесь в кружок. Уходить по делам не спешите.
Глубиною лесов, ширью русских полей подышите.

* * *

Тридцать лет, тридцать зим, хоть пали вдоль проулка из
пушки,

Он лежит на печи в покосившейся ветхой избушке.
Светел ум у Ильи, здравы речи его громовые,
Да не может он встать – руки, ноги его, как чужие.

Горько мыслит Илья, лишь в избушке один остаётся:
«Ах ты, печь моя, печь, видно век так прожить нам при-
дётся.

Ой вы, мать да отец, ничегошеньки вам не осталось,
Как в работе стареть, поджидая печальную старость».

* * *

Так горюет Илья. Так, горюя, глядит он в окошко.
А в окошке видна – от скрипучей калитки дорожка.
А дорожкой идут переходящие старцы седые,
А в руках узелки да кленовые палки витые.

«Здравствуй, отрок Илья! – тихо молвит один из переходящих. –

Ты привети нас, сынок, много видевших странников Божьих.

Напой нас, Илья, ключевой водою студёной.
Дай молитву прочесть в светлой горнице перед иконой».

Отвечает Илья: «Я бы рад напоить вас водою,
Да не волен я встать. Сам не знаю, как сладить с бедою.
Заходите, отцы. Помолитесь. Уста освежите.
Да о жизни своей, да о былях Руси расскажите».

* * *

«Ой ты, отрок Илья! Были русской земли непростые.
Плачут травы росой, стонут в поле колосья литые.
Как от чуждских земель аж до самого южного моря,
Словно брага в бадье, расходилось кипучее горе.

Словно стая ворон, по Руси разлетелись напасти,
Раздирая её на большие и малые части.

Словно лютые псы, разбранились князья и княжата.
Вот и плачет трава. Вот и хлебная нива не сжата.

А большее всего, что – твердыня и русская слава –
Разошлась, разбрелась богатырская наша застава.
Знатным родом своим стал Алёша Попович гордиться:
Мол, Добрыня Никитич в подмётки ему не годится.

А Добрыня со зла обозвал оратаем Микулу,
А Микула сказал, что Добрыня похож на акулу,
Что ему лишь бы есть во Владимирской грядне высокой,
И что совесть его заросла, как болото, осокой.

Так вот, отрок Илья. Вот такие печальные были.
Не с того ли враги снова Русь, словно мёд, полюбили?
Не с того ли притих, приуныл славный город Чернигов
В окруженье орды – звона сабель, и всхрапов, и вскриков?

Не с того ли в лесах, что под Киевом-градом, не чисто –
Как трава, деревья полегли от разбойного свиста?
Не с того ли опять копит тёмную силушку Каин,
Жадным взглядом косит, гулко ходит вдоль наших окра-
ин?»

* * *

Хмуро смотрит Илья. Тяжелеет в душе его камень.
Горько молвит Илья: «Кабы только владеть мне руками.
Кабы только мне встать на свои непослушные ноги,
Обошёл бы я Русь – все леса, и поля, и дороги.

Я бы шёл день и ночь – только б утром росую умылся.
Где копьём, где мечом я бы с чёрною силой сразился.
Либо взял перевес над поганой чванливою темью,
Либо сгинул в бою за родную за русскую землю».

* * *

«Ой ты, отрок Илья! – тихо молвит один из прохожих. –
Сгинуть в этом бою ни тебе, ни другому не гоже.
Ты в бою победи, коли ты не виновный, а правый,
И с победой вернись, с долгожданной, утерянной славой.

А скажи нам, Илья... Если враг поведёт разговоры
Про богатства свои – золотые и прочие горы,
Не слепит ли тебя золотая казна супостата?»
Отвечает Илья: «А к чему мне, крестьянину, злато?»

«А скажи нам, Илья... – говорит ему странник убогий, –
Не забудешь ли ты о друзьях, о народе, о боге,

Если слава твоя восшумит, словно в бурю дубрава?»
Отвечает Илья: «А к чему мне, крестьянину, слава?»

«А скажи-ка, Илья... Если всё же по воле народа
Воеводой тебя изберут: дескать, правь, воевода! –
Согласишься иль нет? Дать согласие можешь ты смело...»
Отвечает Илья: «Откажусь. Не люблю это дело».

«А скажи-ка, Илья... Если в хлипкую слякоть старуха,
В лужу свалится вдруг и заплачет, заохает глухо, –
Так сумеешь ли ты от души посмеяться над нею?»
Отвечает Илья: «Нет, святые отцы. Не сумею».

* * *

Умолкает старик. Сотоварищей взглядом обводит.
Тайной мысли своей в их глазах одобренье находит.
Развязав узелок, вынимает бутылъ вековую.
Предлагает Илье богатырскую воду живую.

«Ты отпей-ка, Илья, ровно тридцать глотков и не боле.
Не увидишь ли ты за окошком раздольное поле?
Не услышишь ли ты, как шумят в нём высокие травы?
Не сверкнут ли тебе золотые церковные главы?»

Отвечает Илья с нескрываемой трепетной болью:

«Вижу, вижу, отцы, за окном полевое раздолье!
И гуляют ветра, и шелковые травы сникают!
И церковей купола ярче солнца над ними сверкают!»

«Вот и славно, сынок, – говорит переходящий калита. –
Ну-ка сажень плечей от печных кирпичей оторви-ка.
Ты вставай-ка давай с залежалой печурочки узкой.
Ты теперь не Илья, ты Илья – богатырь святорусский».

* * *

Как у нас на Руси рано снежные насты не тают.
Как у нас на Руси рано ласточки не прилетают.
Ну, а грянет весна – берегись и Восток, и Европа –
Грома радостных птиц, шума вод, что бурливей потопа.

Как у нас на Руси даже в мае ночами морозно.
Как у нас на Руси расцветает черёмуха поздно.
А когда расцветёт – хоть иди на неё с образами,
Ослепит и спалит, вспыхнув молнией перед глазами.

Как у нас на Руси мы неспешно и пашем, и сеем.
Как у нас на Руси мы не слишком-то быстро взрослеем.
В двадцать пять на Руси мы беспечно поём и смеёмся
В тридцать лет лишь за ум и за дело, как надо, берёмся.

Но когда в тридцать лет мы, как надо, берёмся за дело,
То берёмся мы так, чтобы дело кипело и пело,
Чтобы слава о нём гулким громом по свету летела.
Только так в тридцать лет на Руси мы берёмся за дело.

* * *

Правду молвил старик. Приуныл славный город Чернигов
В окруженье врагов – звона сабель, и всхрапов, и вскри-
ков.

На сто вёрст от него, словно дикая чаща лесная,
Расшумелась орда, ни минуты покоя не зная.

В этом шумном лесу серый волк на заре не прорыщет,
Брата брат не найдёт, сын родного отца не отыщет.
Над чащобой людской в пыльной мгле даже солнца не вид-
но.

И ужасно Илье за черниговцев стало обидно.

Хмурит брови Илья: «Ай вы, горе-незванные гости!
Видно вам всё равно, где сгниют ваши жёлтые кости.
Видно, шеи давно вам не мяли по-нашенски, с хрустью,
Раз пришли вы сюда – поглумиться над матушкой Русью.

Ну-ка, взвейся, мой конь! Опустит на пришельцев копыта!
Ну-ка, меч-кладенец, погуляй на просторе досыта!

Ну-ка, кровушка-кровь, порезвись, покипи в моём теле! –
Чтобы души врагов на покой к праотцам отлетели!»

* * *

То не смерч-ураган дерева из земли вырывает,
То не грома раскат дали мглистых полей сотрясает,
То не молнии блеск ослепляет поганым зеницы,
И не горный поток разъярённо тесниною мчится.

То не смерч, а Илья на поганых коня направляет,
То не гром, а Илья мощным зыком орду оглушает,
То не молнии блеск, а Илья кладенец вынимает,
И не горный поток, а Илья по нечистым гуляет.

Где опустится конь, там ручей засверкает игриво,
Где прокатится зык, там плакучая склонится ива,
Где мелькнёт кладенец, там вместо кичливого стана
Вырастает курган и трава у подножья кургана.

* * *

Тихо время идёт – быстро льётся былинное слово.
Оказался Илья у развалин шатра золотого.
Из-под груды шелков, оглушённый, с лицом, как из воска,
Выползает к Илье предводитель разбитого войска.

«Ой урус ты, урус, – говорит еле слышно ордынец, –
Не срубай голова, а возьми мой бесценный гостинец.
Тыщу мер серебра. Много золота. Много алмазу.
На урусский земля не хочу приходить я ни разу...»

* * *

Отвечает Илья, бровь соболю насмешливо выгнув:
«Эту дань ты снесёшь на плечах своих в город Чернигов.
Всё отдашь мужикам. Поцелуешь им руки и ноги.
Да вприпрыжку – домой. Вот по этой по самой дороге.

Да сказать не забудь соплеменникам вашим за чаем,
Как у нас на Руси мы незваных пришельцев встречаем,
Что полно-де у нас и пушнины, и мёда, и злата,
Но по-прежнему Русь богатырскою силой богата!»

* * *

Как в Чернигове звон! В вольном городе праздник народ-
ный.

Плещет в чаши вино белопенной рекой полноводной.
Ради славы Ильи, ради краха ордынской напасти
Пощедрели купцы, и вельможи, и прочие власти.

Сам черниговский князь предлагает Илье угощения –

Подставляет ему то вино, то медок, то варенье:
«Оставайся, Илья. Будешь первый мой друг, воевода.
Ох, как сила нужна для смирения бояр и народа...»

Мрачно смотрит Илья, отстраняет ковши и тарелки,
Не по нраву Илье вот такие застольные сделки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.